



*Всем моим друзьям,
которые моя семья,
и наоборот*

Счастье — это станция на пути
между слишком мало и слишком много.

Финская поговорка

Если Кэти позвонила Холли

Что я принялась делать, узнав по телефону, что у моей лучшей подруги Кэти рак? Дыхательные упражнения, как советует приложение для снятия стресса, когда тело не справляется с реакцией «сражайся или беги». Влажный воздух поступал в легкие, а я спрашивала себя: *«Ты в безопасности? Хочешь что-нибудь раздолбать или задать стрекача? Может, капельку румчаты в кофе?»*

На выдохе я, стараясь контролировать гипервентиляцию, дала себе ответы, которые звучали максимально по-взрослому. *Да, я в безопасности. Нет, бить мы ничего не будем и физкультурой заниматься тоже, еще чего. И, Саманта, никакого алкоголя на завтрак, хотя бы на этот раз.* Поэтому я всего лишь швырнула тарелку, которая угодила в шторы, а затем совершила мягкую посадку в корзину с грязным бельем — получилась какая-то пародия на битье посуды.

Потом я собрала волю в кулак и позвонила по номеру, который не набирала со времен первого сражения Кэти с раком. Правда, перед этим накатывала, пожалуй, пару бокалов вина и недолго вспоминала студенческую жизнь. Но как только соединение устанавливалось, я нажимала отбой, потому что знала, какой голос будет у Холли. Сдержанный, отчужденный, неприветливый.

Сегодня мне предстояло выяснить, в курсе ли Холли. Известно ли ей о том, что наша общая лучшая подруга, с которой в колледже мы делили одну комнату, снова смертельно больна? Я прижалась головой к холодному стальному боку холодильника. Я пережила смерть мужа Джеффа и родителей и растила дочь одна — потерять еще и лучшую подругу выше моих сил. У Холли сработала голосовая почта: «Вы позвонили Холли Данфи». Я быстро нажала отбой — в голове со свистом пронеслось «ух!».

Сначала я не понимала, что побуждает меня звонить Холли. Той, которая когда-то так много значила в моей жизни, но уже многие годы не желала меня знать.

Я пошлепала в спальню, сняла пижамные штаны и натянула джинсы, из которых не вылезала всю неделю, помогая Мэдди собираться в дорогу.

В зеркале над комодом отразилась моя физиономия — волосы стояли дыбом, точно я спала вниз головой в трубе. С помощью геля и воды я вернула прическу в норму, а потом стерла остатки туши под глазами. Неловко признаться, но Холли я звонила отчасти потому, чтобы узнать, чей номер в телефоне

Кэти забит как экстренный контакт — Холли или мой. Кому из лучших подруг в случае чего она будет звонить первой?

Будь ты действительно убита известием о раке у подруги, скажете вы, тебе было бы не до таких гадких мыслишек. Июнь в Висконсине выдался теплый, но я натянула шерстяной кардиган, потому что меня знобило.

Экстренным контактом Кэти, первым номером, полагалось быть мне. Мы с ней в шутку называли друг друга спутницами жизни, но это не было шуткой. После двадцати с лишним лет дружбы мы *действительно* стали спутницами жизни. Сунув ноги в теннисные туфли, я попрыгала на одной ноге, а затем на другой, чтобы натянуть их на пятки.

Роли ключевой персоны в жизни дочери мне было недостаточно — это подразумевалось само собой, по крайней мере, пока Мэдди жила дома. Кто знает, как все обернется, когда дочь освободится от моей опеки и станет самостоятельной. Можно только догадываться, какое чувство пустоты накатит на меня после ее отъезда. И пока этого не случилось, мне требовалось знать, что другой человек, которого я так же сильно люблю, моя Кэти, в случае чего будет первой звонить мне. Я сказала себе, что для вдовы, стоящей на пороге кардинальных перемен, ощущать себя гелиевым шариком со свободно висящей ниточкой — вполне нормально.

Но это, конечно, было не все. Далеко не вся история Саманты, Кэти и Холли. Даже близко не вся.



Схватив ключи, я выскочила за дверь и завела выдавший виды «Субару». Один раз мы с Кэти уже сразили рак. Как истинная уроженка Висконсина я подняла всех на ноги, собирала запеканки и возвращала пустую посуду с благодарственными бирюзовыми наклейками онкогинекологии. Я создавала графики лечения, делала посты в «Фейсбуке»¹ и вела страничку Кэти в «Инстаграме»². Иногда Кэти говорила, что я спасла ей жизнь, но это не так. Она была моей самой близкой подругой, и роль начальника штаба спасала меня от переживаний о том, как я буду жить без нее. Каково мне будет в этой холодной и пустынной тундре. Я была счастлива рулить деталями жизни, пока она старалась держаться на плаву.

На знакомом повороте к больнице Святой Марии покрышки взвизгнули, и я мысленно дала себе обещание проверить давление, о чем, безусловно, вскоре забуду.

Когда незадолго до рождения Мэдди мой муж Джефф скончался из-за аневризмы сосуда головного мозга, Кэти переехала ко мне. В полночь и в четыре часа утра она брала на руки осиротевшую малышку Мэдди и несла мне на кормление. Кэти готовила мне

¹ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. *(Здесь и далее.)*

² Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. *(Здесь и далее.)*

брокколи и выводила на прогулки, чтобы мои мышцы не размягчились до консистенции сыра, который я поглощала в огромных количествах с заказной пиццей. У нее были пароли от всех моих гаджетов, она оплачивала ипотеку, следила за отоплением и нанимала подростков на уборку снега.

Когда Кэти заболела, у меня появилась возможность отплатить ей за любовь и заботу. Будь моя воля, я бы поменялась с ней местами. Каждый раз, когда ее мутило, я жалела, что не сама блевала в тазик вместо того, чтобы прижимать к ее затылку влажную тряпку. Это о чем-то говорит, потому что меня всегда выворачивает по полной программе, это знают все. Я реву, зарекаюсь, что больше ни-ни, блевотина попадает мне в нос и на волосы. И потом я много дней говорю только об этом. Можно подумать, блевать — это новость.

Ради Кэти я бы не только все организовала и облежала, я бы сделала гораздо больше. Будь моя воля, я бы вытерпела за нее химиотерапию. Только с раком так не работает. Он не пускает на поле запасных игроков. Именно поэтому мы все содрогаемся, когда звучит это слово. Оно подразумевает утрату контроля для всех, кого это касается.

Я покосилась в зеркало заднего вида и стиком трив-одном провела по губам, щекам и векам, чтобы не выглядеть столь же погано, как ощущала себя внутри. Возможно, звоня Холли, я руководствовалась не чувством ложного соперничества, гордыней или страхом, а иной причиной.

Если Кэти позвонила Холли первой, значит, возможно, ей не требовался *Эксперт по Полномас-*

штабному и Радикальному Исцелению — ЭПРИ, как я в шутку называла себя, чтобы облегчить бремя. Я гордилась нашей с Кэти дружбой и тем, что могу идти по жизни с человеком, к созданию которого моя утроба — и чужие причиндалы — не имеют отношения. Это доказывало, что я могу быть другом и меня нельзя бросить просто так, на пустом месте. Что мое присутствие в жизни значимо.

По ходу дела я завернула в «Уолгринз», кое-что купила и быстро добралась до больницы. В вестибюле привычно воняло моющими средствами — здешние уборщики уважали цитрусовые запахи. Этот напоминал «Апельсиновый краш» — так пахло на ролл-дроме, где я каталась подростком, — но сегодня меня от него мутило.

По пути в онкологию я снова попыталась набрать Холли. И кого же я первым делом увидела, когда с прижатым к уху айфоном зашла в палату 425? Холли, сидящую на стуле у кровати. Меня сковала усталость, захотелось вильнуть в сторону и затаиться. Всем своим видом Холли как будто говорила: *Я здесь. Ты не нужна.* А затем я увидела улыбку Кэти — в ней были и радость видеть меня, и смирение, и чувство неловкости из-за того, о чем она собиралась нас попросить.

Кэти позвонила Холли первой. С этим приходилось считаться. И тому могла быть только одна реальная причина. Если моя дорогая подруга, которая была мне больше чем сестра, первой позвонила Холли, значит, Кэти не требовались запеканки, посты в «Фейсбуке» и та, которая будет на время болезни осуществлять мониторинг ее жизни.

ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО ЭТО СРАБОТАЕТ

Если она позвонила Холли, значит, ей требовался человек, способный взглядом пригвоздить быстро де-лящуюся клетку, скрутить в бараний рог заносчивого доктора и заткнуть рот представителю страховой компании. Ей требовалась безапелляционная, беспардонная и циничная сука.

И Холли подходила идеально.

Посмеялись — прослезились

При виде Холли, которая выглядела как прежде и даже лучше, холенее, но столь же отчужденно, я испытала шок. Я вспоминала ее по дороге сюда. Как-то мы с ней, направляясь на семинар, подпевали *Hootie & the Blowfish*. В машине я всегда пела только с Холли и тогда отчаянно горланила: «Хочу любить тебя, сказал медведь, сказал медведь!», на что она отреагировала с утрированным возмущением:

— Что за фигня? Какой медведь? Откуда он взялся? Как «ты мне поверь» превратилось у тебя в «сказал медведь»?

Я принялась спорить, и мы заржали так, что Холли пришлось остановить машину. Она трижды била по рулю, я держалась за живот и хватала ртом воздух. Так, как с Холли, я никогда ни с кем не угорала. Она стебала так, что я не чувствовала себя при этом душой.

На мгновение у меня возникло идиотское предположение, что Холли оставила в прошлом наши разногласия. Возможно, мы будем смеяться снова. Но сейчас, оказавшись с ней в одной комнате, я видела, что Холли крайне дискомфортно. На щеках у нее проступили пятна, заметные даже сквозь макияж. На друзей Холли реагировала иначе, и я это знала. Стыд, чувство вины и мое излюбленное стремление избегать конфликтов тотчас сработали и заглушили воспоминания о давно ушедшей дружбе.

Медсестра, наклонив голову, измеряла давление Кэти, и Холли поднесла палец к губам, мол, давай потише. Можно подумать, я не знаю, как надо вести себя во время процедур. Можно подумать, это не я была рядом с Кэти, когда ей сотни раз измеряли давление. В другой ситуации я бы отправилась на поиски тихого уголка и ненадолго прикорнула, но сейчас я боролась с желанием врезать Холли.

В каком-то смысле стремление бороться и забыться характеризовали в целом мою жизнь и сложные взаимоотношения в ней. Если кто-то — отец или муж — действовал мне на нервы, я испытывала стресс, а затем впадала в спячку, именно в такой последовательности. Так у меня проявлялось расстройство сна.

Моя гиперсомния впервые заявила о себе в старшей школе на занятиях экономикой — предметом, на котором мой въедливый папаша собаку съел. Он заставлял меня заниматься после ужина до глубокой ночи, злобно приговаривая:

— У тебя вата вместо мозгов!

Если я допускала ошибку и пыталась объяснить, что мне непонятно, он тыкал меня в лоб со словами: